

БОРИС Р. БРАТИНА¹

УНИВЕРСИТЕТ В ПРИШТИНЕ С ВРЕМЕННЫМ
ПРЕБЫВАНИЕМ В КОСОВСКА-МИТРОВИЦЕ
ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ, КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

ВИШНЯ Д. КНЭЖЕВИЧ¹

БЕЛГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ,
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

КОММУНИКАЦИЯ БЕЗ КОММУНИКАЦИИ²

АННОТАЦИЯ. Авторы рассматривают условия возможности успешной коммуникации в современной культурной ситуации. Постмодерн, где доминирует система контроля, полагает существующей только «разорванную» субъективность, которая не способна к вопрошанию о собственном бытии. Образцом коммуникации здесь выступает виртуальное общение, лишенное аутентичной коммуникации. В работе обоснована возможность альтернативы, основанной на ином понимании субъективности. Авторы подчеркивают важность для ее понимания таких практических составляющих любви, как вера, верность и истина. Ключевой в таком случае становится необходимость и возможность «держат слово».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникация, Постмодерн, система, слово, истина, вера, верность, субъективность.

¹ bokibor@yahoo.com ; unbuntera@mail.ru

² Статья написана в рамках проекта «История сербской философии» (но. 179064), который финансирует Министерство образования, науки и технологического развития Республики Сербии.

Рад је примљен 18. маја 2017, а прихваћен за објављивање на састанку Редакције Зборника одржаном 22. јуна 2017.

Для начала надо сказать: коммуникации в классическом понимании «общения» сегодня нет. Ее нет ни с собой, ни с Другим. Любое общение сегодня строится по образу «глобальной коммуникации» (Силантьева, 2012; Терин, 2007), которая связана с фиксированными формами жесткого контроля, где общение идет по строго определенным правилам, нарушение которых недопустимо, – несмотря на то, что часть из них является откровенными мифологемами (Глаголев, 2012). Эти правила являются следствием действия на сознание средств массовой коммуникации, прежде всего – сетевого общения в Интернет, включая ПК и мобильные телефоны (Терин, 1971, 2013). Более «классические» средства общения, какими стали в наши дни печатные медиа и телевидение, также вносят свою лепту в формирование «глобальной коммуникации» и ее особого формата – «электронной коммуникации» (Терин, 2014; Шестопад, 1995, стр. 174).

Такая коммуникация в итоге всегда является опосредованной (природа медиа как медиа) и вместе с тем ограниченной – конструируя саму ее возможность, медиа одновременно регулируют и ограничивают коммуникацию (Панфилова, 2013, стр. 153). Кто вы ни были, и с кем ни было разговаривали, *Verizon* это фиксирует; реагируя на ключевые слова, произнесение которых автоматически квалифицирует произносящего в качестве неблагонадежного. А это значит, что система регистрирует вас как того, на чье поведение в будущем она, возможно, обратит внимание. Если вы молоды, но при этом не пользуетесь социальными сетями через такие приложения, как *Viber*, *WhatsApp* и др., – ровесники смотрят на вас, как на изгоя. А если вы ими пользуетесь, тогда ваши данные потенциально доступны всем, от корпораций до NSA (*National Security Agency*). То же самое, когда речь идет о мобильных телефонах. Если у вас нет *smartphone*, тогда вы либо не «*smart*», либо «нищеврод». А что, если у вас нет даже *iphone*? Значит ли это, что вы вообще не являетесь субъектом социальных отношений?

Если же он у вас все-таки есть, и вы пользуетесь свободным программным обеспечением (*free software*), *Microsoft* и *Apple* заранее постарались (с помощью ваших провайдеров) сделать вашу коммуникацию невыносимо сложной. Наконец – и об этом необходимо сказать отдельно – если вы пытаетесь общаться в рамках интернет-сообщества, не следуя принятой здесь идеологии значений, вас точно не поддержат, а в худшем случае – изгонят из системы общения. Либо – вас будут просто игнорировать, что, как

считают психологи, переносится еще более болезненно. Примеры можно множить до бесконечности.

Парадоксально, но факт: средства массовой коммуникации формируют и регулируют даже коммуникацию *en face*. Живое общение выглядит благодаря им как общение через мобильный телефон либо в социальных сетях (Бодрийяр, 2015). Даже общаясь «очно», мы все чаще обмениваемся короткими, несущественными сообщениями и фразами, сводя общение к поверхностным ничего не значащим, политкорректным «сообщениям», часто – не выпуская из рук мобильный телефон, вдруг кто-нибудь позвонит? Кто сегодня еще не знаком с горькой правдой этого состояния? Кто еще заботится об отношениях с Другим либо с самым собой вне «мобильного» контекста? Какой субъект сегодня просыпается – и не проверяет автоматически свой сотовый?

И есть ли в самом деле в нашей жизни место для *Dasein*? Да кто вообще сегодня спрашивается о своем бытии? Ведь и философию часто пытаются сделать массовой, – что, впрочем, само по себе может и не так плохо. Беда в другом: «массовый» характер философии приближает ее к позитивной науке, выводя за рамки собственно философского *вопрошания*. Ну а бытийные вопросы, или вопрос о первоначале и вовсе выглядит при этом чем-то абсурдным и недостойным серьезного научного внимания.

Тот факт, что реальная коммуникация стала копией виртуальной, имеет, таким образом, значительные онтологические последствия. Как минимум потому, что виртуальная коммуникация всегда оставляет открытой возможность врать. Конечно, в реальной жизни тоже есть место лжи, только здесь имеется значительно большее число механизмов контроля, которые в виртуальном пространстве просто недоступны, например – прямое чувственное обследование, позволяющее «сканировать» правдивость собеседника.

Принимая платоническую терминологию, можно сказать, что в виртуальном общении и «глобальной коммуникации» логос прекращает выражать и отражать бытие, становясь при этом фальшивым, ложным (Платон, 2007). Вместо того, чтобы имитировать реальность, логос-изображение, будучи копией этой реальности (в которой определено меньше реальности, чем в самом оригинале), начинает формировать основания оригинала. Бытие как бы «спадает» на самый низкий онтологический уровень.

Этот процесс можно аккуратно проследить на примере реальных и виртуальных идентичностей: виртуальные идентичности – проекции желательного состояния, пока на заднем плане скрытая мелочная, «взорванная» и всегда-уже децентрированная субъективность (Бодрийяр, 2000; Lacan, 1966). Когда речь идет о статусе истины и речи, данное состояние открывает разрушение логоса как логоса. Разрушение, которое следует за разрушением современного постмодернистского субъекта. Поэтому, как полагают философы, всякий современный логос – это *a priori* ложная речь. Тогда понятно, что ложью будет и «обмен речами» – коммуникация. Ведь именно субъективность есть гарант логоса. Постмодернистская децентрированная субъективность не может стать гарантом никакого логоса, в итоге здесь нет места ни смыслу, ни истине. Всегда открытый снаружи, постмодернистский субъект – это субъект без «внешнего предела», в конструируемом им мире нет и не может быть никакой трансценденции. Что касается его имманенции, она полностью прозрачна для системы, и в этом смысле ее тоже как бы нет (Бодрийяр, 2000). С самого начала описания этой системы самыми разными биополитиками (Делёз, 2007; Фуко, 2010; Фуко, 2008), она описывалась как принципиально лишенная имманентности и вместе с тем закрытая для трансценденции (Другого). Абсолютная трансценденция принадлежит только самой системе, но это – трансценденция паноптикума (Фуко, 1999).

Исходя из сказанного следует признать: сегодня по сути неправильно говорить о «логике» (Силантьева, 2006), поскольку ее основание – сам логос – предельно деформирован, и в этом смысле верна оценка Хайдеггера. Однако полагаю, что точнее было бы говорить не о превосходстве онтического над онтологическим, а об отмене онтического самого по себе, которое открывается теперь не больше, чем мим на сцене – буквально и метафорически. Однако, если поставить вопрос: чему такой мим подражает, получаем онтологически абсурдный ответ: ничему. Он – сам по себе. То, чему он мог бы подражать, больше не существует, ведь виртуальной реальности нет в смысле самостоятельного бытия. Таким образом, вопрошающий невольно возвращается к описанной Парменидом проблеме фальшивой речи: ведь небытие «невозможно в слове высказать», – именно поэтому, считает античный автор, его не существует. Платон, настаивая на существовании бытия и истины, тем самым утверждает, что и речь должна отражать какое-то бытие (Платон, 2007). Сегодня же мы

видим обратную ситуацию: речь (как и практика коммуникации) «существуют» как бы сами по себе, не отражая никакого бытия и не сообщая ничего о нем. Это состояние в свое время было диагностировано как *«post-truth»*. Но это значит, что «глобальная коммуникация» – это и не коммуникация вовсе, а скорее «пост-коммуникация», даже если признать за ней некоторые возможности манипулятивного «культурного» воздействия (Силантьева & Шестопал, 2013).

Но даже если согласиться с такой точкой зрения, из нее вовсе не следует, что реальности вообще нет. Даже в этой модели «пост» вселенной реальность остается как необходимое допущение, поскольку виртуальное не может как таковое существовать само по себе, вне отношения с чем-то, по отношению к чему констатируется его виртуальность. Эта «латентная» реальность, которую субъект никогда не замечает, хотя она и действует на него (и именно поэтому не заметна без специального усилия); реальность, которую Ж. Лакан – в несколько ином контексте – называл областью Реального (*в качестве аспекта бессознательного*), (Лакан, 1966). Область Реального – это область системы, область контроля. Коммуникации в смысле общения сегодня нет не потому, что вообще никакая не могла бы существовать, но потому, что она находится в зоне тотального контроля, отключающего функцию свободной аутентичной коммуникации.

Каждая аутентичная коммуникация – это, в некотором смысле, «подрывная деятельность» (Фуко, 1999а) по отношению к современной модели коммуникации, а также по отношению к системе как таковой.

Этот подрыв распространяется и на область реального, и на область виртуального. Аутентичная коммуникация требует аутентичных личностей, которым удастся познать и внутренне преодолеть природу масс медиа. Это личности, которые способны на высказывание, способны «держат слово». Они сохранили логос и являются возможными носителями коммуникации в классическом понимании ее как общения. Ибо благодаря тому, кто держит слово, у слова есть ценность. Такой человек дает речи субстанциальность, являющуюся условием общения.

Чтобы коммуникация была успешной (то есть аутентичной), достаточно, что есть, по крайней мере, еще одна личность – Другой. Из этого следует как минимум два вывода. Во-первых, коммуникация уводит нас дальше от области точного знания, подводя ближе к области веры. Во-вторых, парадигмой аутентичной

коммуникации выступает любовь. Именно любовь и речь, то есть слово (а впоследствии и истина) принадлежат области человеческого действия, практики. Держать свое слово, говорить правду — это значит не просто «отражать вещественность», но значит иметь веру и действовать.

Дать слово — это речевой акт (Серль, 1986), практическое обязательство с онтологическими последствиями. Тот акт восстанавливает данную субъективность как субъективность, ибо субъект — это только тот, кто может гарантировать себе себя как субъективность. А гарантировать для себя — это исполнить данное слово.

Слово, таким образом, требует не знания, а веры. Я не могу знать — исполнит ли Другой данное им слово, в это я могу только верить (либо не верить). Иногда, когда Другой информирует меня о каком-то положении дел, вообще не возможно узнать, врет ли он (если, например, у меня нет способа проверить его слова, либо они касаются предположений о ментальных состояниях, для которых не существует достоверных оснований верификации). С другой стороны, верить или не верить Другому — во многом зависит от того, как этот человек вел себя раньше в похожих ситуациях, то есть на основании опыта практического взаимодействия с ним. Такая вера — не мнение (*doxa*) и не иллюзия, она скорее жест доброй воли (*bona fides*). Без таким образом понятой воли коммуникация в принципе не возможна. Более того, даже знание не возможно без веры (даже естественнонаучное): одно из классических определений знания определяет его как истинную обоснованную веру. Иные определения, которые основываются на критике классического концепта знания, должны тем или иным образом включать в себе практический аспект.

Любовь тоже по сути основана на вере. Я не могу всегда знать — любят или не любят меня — в это я могу только верить либо не верить. Когда не верю (то есть утверждаю «знание», что меня не любят), я всегда делаю это на основе актов другого человека. В зависимости от содержания этих актов, далее можно рационально выбирать — верить или не верить в эту любовь. Как бы мой выбор ни выглядел, он всегда зависит от того, отражают ли действия Другого верно сказанные Другим слова. Даже когда мы выбираем не замечать тот факт, наш выбор основан на нем — а именно, выбираем не замечать. В этом смысле и любовь, и коммуникация действительно основаны на вере.

Часто игнорируется еще один важный фактор, на котором основываются вышеупомянутые практики – *верность*: верность Другому (необходимое условие любви), верность истине (необходимое условие коммуникации) и верность «данным», то есть материальным фактам (необходимое условие истины самой).

Во всех этих случаях речь идет так или иначе об уважении, ибо все перечисленные феномены в сути интерсубъективны, то есть представляют отношение с Другим, включающее в себя особое отношение к его свободе выбора. Аутентичная коммуникация, любовь и истина, в конечном счете, основаны на верности данного слова, именно поэтому они непрозрачны для системы, неподконтрольны ей, – ведь слово, как уже было сказано, основано на вере, а не на знании. Таковы в «снятом виде» современные непостмодернистские интерпретации классической философии (Силантьева, 2009).

С точки зрения системы все три феномена (аутентичная коммуникация, любовь и истина) представляют собой пример (и парадигму) «подрывной деятельности», которую система старается «нейтрализовать». В ход идет релятивизация (и одновременно догматизация) истины, банализация слова и вульгаризация любви.

В качестве составляющей практики, верность систематически выселяется из любви, получая название «эгоистической привязанности» и пытаясь заместить отношения любви поверхностными отношениями разного рода, основанными на интересах индивидуумов (а часто – и непосредственно на их неврозах). Верность «выслана» так же и из истины ибо истина уже давно не парадигмальный дискурс, а дискурс, который отражает «парадигмальные» отношения мощи и власти (Хабермас, 2003). И, что характерно, за этим всегда стоит банализация слова, а вера оказывается бессмысленной или прямо отменяется. Слова становятся «пустыми», – именно так, как пустой часто является *online*-дружба, а в области медиа постоянно растет подозрение, что все *news* – это *fake news*. Слово здесь «сведено на нет», отменено как *praxis* и перемещено в область *techné*, – выступая как некий как *password*, риторика, а то и демагогия как общее злоупотребление языком в целях соблазнения любого рода (Бодрийяр, 2000). Слово видится ни больше, ни меньше, как *flatus vocis* (деонтологизированный логос). Постмодерн, таким образом, отрекается от непосредственности, в которой субъект гарантирует себя, то есть отвечает за свое слово.

Как следствие, возвращение слову причитающегося ему уважения (Глаголев, 2011) означает успешный выход из ситуации постмодерна. Это, в свою очередь, значит, что каким-то образом надо возвращаться в пред-Модерн. Последнее возможно хотя бы потому, что постмодернистский девиз, согласно которому «все возможно», только до тех пор, пока люди верят, что все возможно (например, что возможно не уважать свое слово). Выход из того состояния начинается с понимания, что *не хорошо*, если все возможно и все разрешено. Итогом такого понимания становится сознательное ограничение своих возможностей (либо «возможностей», которые только кажутся таковыми).

Помимо прочего, на практике это означает самоопределение свободы субъекта, его *освобождение*, которое требует мужества использовать свой собственный ум (Кант, 1998). Но чтобы девиз Модерна, состоящий в утверждении, что человек есть то, что человек делает, – снова мог применяться, у человека должна быть основа, на которой он сможет себя строить. То есть – у него должно быть то единственное, что у него на самом деле есть – слово.

СПИСОК ЛИ-
ТЕРАТУРЫ

- Бодрийяр, Ж. (2000). *Символический обмен и смерть*. Москва: Добросвет.
- Бодрийяр, Ж. (2015). *Симулякры и симуляция*. Москва: Постум.
- Глаголев, В. С. (2011). Реализм анализа – исходное условие научной перспективности. *Право и управление. XXI век*, 4(2011), 12–18.
- Глаголев, В. С. (2012). Вербально-понятийные аспекты методологического дискурса VII Конвента РАМИ. *Вестник МГИМО Университета*, 6 (27), 216–219.
- Делёз, Ж. (2007). *Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория.
- Кант, И. (1998). Ответ на вопрос: что такое просвещение?. У: И. Кант *Избранное: в 3 т. Т. 2. К вечному миру* (с. 53–62). Калининград: Кн. Изд-во.
- Платон (2007). *Софист*. У: *Сочинения в четырёх томах*. Т. 2. Санкт-Петербург: Изд-во СПб. ун-та: «Изд-во Олега Абышко».
- Панфилова, Т. В. (2013). Человеческий капитал в свете проблемы ценностей. *Вестник МГИМО Университета*, 3 (30), 153.
- Силантьева, М. В. (2006). *Проблемы логики и теории познания в современном гуманитарном знании. Учебно-методическое пособие для студентов и аспирантов*. Москва: МГИМО.

Силантьева, М. В. (2009). Ценностный потенциал христианства перед теоретическими вызовами современности. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*, 10 (2), 196–206.

Силантьева, М. В. (2012). Диффузная идентичность – современная версия гражданской идентичности. *Вестник МГИМО Университета*, 2 (2012), 173–179.

Силантьева, М. В. & Шестопап, А. В. (2013). Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов. У: М. В. Силантьева & А. В. Шестопап (прир.), *Межкультурная коммуникация: современная теория и практика. Материалы VII Конвента РАМИ* (с. 10–16). Москва: Научное издание.

Терин, В. П. (1971). Массовая коммуникация и социологические исследования в США. *Вопросы философии*, 12 (1971), 122–128.

Терин, В. П. (2007). Инверсия как реактивный тип общественного развития. *Полис. Политические исследования*, 7 (6), 146–152.

Терин, В. П. (2013). Интернет инструмент политического действия. *Вестник МГИМО Университета*, 4 (31), 152–156.

Терин, В. П. (2014). Политика под воздействием электронной современности. *Вестник МГИМО Университета*, 1 (2014), 37–44.

Серль, Дж. (1986). Что такое речевой акт. У: Б. Ю. Городецкий (прир.), *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17 (с. 151–169). Москва: Прогресс.

Фуко, М. (1999). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Москва: Ad Marginem.

Фуко, М. (1999)а. Что такое просвещение. *Вестник Московского университета*. Сер. 9. Филология, 2 (1999), 132–149.

Фуко, М. (2008). Технологии себя. *Логос*, 2 (65), 96–122.

Фуко, М. (2010). *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 уч. году*. Санкт-Петербург: Наука.

Хабермас, Ю. (2003). *Философский дискурс о модерне*. Москва: Весь Мир.

Шестопап, А. В. (1995). Политические модели и историческая судьба (опыт современной Бразилии). *Полис. Политические исследования*, 4 (1995), 170–175.

Lacan, J. (1966). *Écrits*. Paris: Éditions de Seuil.

BORIS R. BRATINA

UNIVERSITY OF PRIŠTINA WITH TEMPORARY HEAD-OFFICE
IN KOSOVSKA MITROVICA, FACULTY OF PHILOSOPHY

VIŠNJA D. KNEŽEVIĆ

UNIVERSITY OF BELGRADE, FACULTY OF PHILOSOPHY

SUMMARY

COMMUNICATION WITHOUT COMMUNICATION

This paper analyses the necessary conditions for successful communication. It is well known that post-modernity, described as an era of control, produces only decentralized, imploded subjectivities, who are neither able to question their own being nor to relate one with another in authentic bonds of communication. Today, virtual communication has become an ultimate model of every possible communication whatsoever. The authors, therefore, pose the question of conditions for possibility of subjectivities who would be able and apt for authentic communication, wherein faith, fidelity, truth, and capability of keeping one's word occupy the central place.

KEYWORDS: communication, post-modernity, system, word, truth, faith, fidelity, subjectivity.

Овај чланак је објављен и дистрибуира се под лиценцом Creative Commons Ауторство-Некомерцијално Међународна 4.0 (CC BY-NC 4.0 | <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).

This paper is published and distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution-NonCommercial International 4.0 licence (CC BY-NC 4.0 | <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).